

Научная статья
 УДК 94(470.6)“18”
<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.9>

«ВСЕ СТАЛИ СМОТРЕТЬ НА ВЕЩИ СОВЕРШЕННО ИНАЧЕ»: СОПРОТИВЛЕНИЕ НОВОМУ МИРОВОЗЗРЕНИЮ И МИРОУСТРОЙСТВУ ЧАСТИ ГОРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ «РЕВОЛЮЦИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ»

Ирина Вадимовна Середина

Пятигорский государственный университет (д. 9, ул. Калинина, Пятигорск, 357532, Российская Федерация)
 Аспирант
iseredina04@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0007-2353-2156>

Аннотация. Введение. В работе анализируется реакция горцев Северного Кавказа на происходящие процессы изменения их повседневности, которые можно считать революционными. Для части населения они были неприемлемы и вызвали разные формы отторжения. Были выбраны различные способы отрицания нового мировоззрения и мироустройства – от пассивного отрицания до вооруженного сопротивления. **Материалы и методы.** В статье на основании общенаучных методов анализа и синтеза, системно-структурного метода реконструируется целостная картина явления, обозначаемого как «революция повседневности». Акцент делается на сопротивлении данному процессу со стороны части северокавказского общества. **Анализ.** Автор, положив в основу применяемые способы сопротивления имперскому мироупорядку, выделил несколько условных социальных групп, которые отличаются друг от друга своим неприятием «революции повседневности», последовавшей за капиталистической модернизацией. Наименее склонная к компромиссу часть населения выберет для себя исход с земли предков. Другие предпочтут с оружием в руках продолжить сопротивление и будут противопоставлять «европейскому» образу жизни свою мусульманскую альтернативу. Ещё одну группу составят одиночки-маргиналы, известные как абреки, которые стремились отстаивать собственный образ жизни в борьбе с государством. Уместным видится добавить к этим протестным сообществам ещё и революционеров-народников из числа образованной горской молодёжи. Они также критиковали происходящие изменения с позиции сторонников социалистических идеалов. **Результаты.** Реакция на происходя-

щие изменения привела к расколу горского общества. Для одних наступившая эпоха капиталистической модернизации стала шансом к улучшению имущественного и социального статуса, а другие, напротив, утратили былые привилегии и уверенность в завтрашнем дне. Вызовы «революции повседневности» спровоцировали устойчивые протестные настроения, которые разделялись немалой частью местных жителей. Одни однозначно противились покушениям на «старину», другие были возмущены не самими новациями, а тем, что не могли в должной мере воспользоваться ими. Были и те, кто отстаивал идеалы социальной справедливости, а потому капиталистическая «революция повседневности» трактовалась ими в негативном ключе.

Ключевые слова: Протест, «революция повседневности», сопротивление, горцы, политика, революционный, социальная справедливость

Для цитирования: Середина И. В. «Все стали смотреть на вещи совершенно иначе»: сопротивление новому мировоззрению и мироустройству части горского населения Северного Кавказа во второй половине XIX века в контексте «революции повседневности» // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 2. С. 245–251. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.9>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 24.10.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 16.02.2025.

Статья принята к публикации: 16.04.2025.

Research article

“EVERYONE BEGAN TO LOOK AT THINGS COMPLETELY DIFFERENTLY”: RESISTANCE TO THE NEW WORLDVIEW AND WORLD ORDER OF PART OF THE MOUNTAIN POPULATION OF THE NORTH CAUCASUS IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY IN THE CONTEXT OF THE “REVOLUTION OF EVERYDAY LIFE”

Irina V. Seredina

Pyatigorsk State University (9, Kalinina St., Pyatigorsk, 357532, Russian Federation)
 Postgraduate student
iseredina04@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0007-2353-2156>

Abstract. Introduction. The work analyzes the reaction of the mountain people of the North Caucasus to the ongoing processes of change in their everyday life, which can be considered revolutionary. For part of the population, they were unacceptable and caused various forms of rejection. Various ways of denying the new worldview and world order were chosen – from passive denial to armed resistance. **Materials and methods.** The article is based on general scientific methods of analysis and synthesis, and the system-structural method, reconstructs a holistic picture of the phenomenon designated as the “revolution of everyday life”. The emphasis is on resistance to this process on the part of part of North Caucasian society. **Analysis.** With reference to

the methods used to resist the imperial world order, the author identified several conditional social groups that differ from each other in their rejection of the “revolution of everyday life” that followed capitalist modernization. The part of the population least inclined to compromise chose to leave the land of their ancestors. Others preferred to continue their resistance with arms in hand and opposed their Muslim alternative to the “European” way of life. Another group made up of marginalized individuals known as abreks sought to defend their own way of life in the fight against the state. It seems appropriate to add to these protest communities also populist revolutionaries from among the educated mountain youth. They also criticized the changes taking

© Середина И. В., 2025

place from the position of supporters of socialist ideals. **Results.** The reaction to the ongoing changes led to a split in mountain society. For some, the new era of capitalist modernization has become a chance to improve their property and social status, while others, on the contrary, have lost their former privileges and confidence in the future. The challenges of the “revolution of everyday life” provoked persistent protest sentiments, which were shared by a considerable part of the local residents. Some were unequivocally opposed to the attacks on the “old times”, others were outraged not by the innovations themselves, but by the fact that they could not take advantage of them to the proper extent. There were also those who defended the ideals of social justice, and therefore the capitalist “revolution of everyday life” was interpreted by them in a negative way.

Введение. Происходившие во второй половине XIX века социокультурные трансформации неоднозначно воспринимались горским населением Северного Кавказа. И далеко не всегда отторжение новаций носило мирный характер. Если моральное осуждение тех, кто готов был примерить «русскую» одежду имело скорее вид «фрондёрства» и не несло угрозы насильственного сопротивления, то призывы к активному противостоянию могли закончиться, прямым вооружённым столкновением. Вряд ли возможно выработать критерии протестного состояния местного сообщества, носившего зачастую латентные формы. Недовольство могло не выливаться в конкретные действия, а ограничивалось принципиальным отторжением предлагаемых изменений в повседневности. Уже отмечалось, что даже те горцы, которые вполне успешно адаптировались в «русской среде», старались не демонстрировать свою причастность к ней, оказавшись в окружении земляков. Этих людей нельзя отнести к числу «непримиримых» противников новой жизни. Скорее они занимали выжидательную позицию и по мере втягивания в интеграционные процессы смирившись с наступившими реалиями.

Тем не менее, положив в основу применяемые способы сопротивления имперскому миропорядку, мы предлагаем выделить несколько условных социальных групп, которые будут отличаться друг от друга своим отношением «революции повседневности», последовавшей за капиталистической модернизацией.

Саму повседневность мы трактуем как повторяющуюся обыденную деятельность людей, во всем её многообразии, включающем хозяйственные, социально-политические, культурно-досуговые и интеллектуальные практики и порождаемые ими эмоциональные переживания. В этом случае «революция повседневности» подразумевает незавершённость и неустойчивость процесса становления такой будничной повседневности, которой только предстоит приобрести черты традиционности и рутинности.

Затрагиваемые проблемы нашли отражение в трудах, посвящённых анализу проявления протестного потенциала горских обществ, не желавших принять произошедшие изменения в их жизни. Массово недовольство проявляло себя в практике мухаджирства (махаджирства) [7] и последних всплесках масштабных вооружённых выступлений, спровоцированных войной России с Османской империей [9; 12; 15]. Не теряет актуальности тема, связанная с развитием абреческого движения на Кавказе [21; 23]. Весьма критично оценивали происходящие преобразования революционеры-народники. Они не отрицали необходимости реформ и «революции повседневности» как таковой, но считали, что капиталистический уклад не сможет привести к улучшению жизни народа [13].

Keywords: Protest, “revolution of everyday life”, resistance, highlanders, politics, revolutionary, social justice

For citation: Seredina IV. “Everyone began to look at things completely differently”: resistance to the new worldview and world order of part of the mountain population of the North Caucasus in the second half of the 19th century in the context of the “revolution of everyday life”. *Humanities and law research*. 2025;12(2):245-251. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.9>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 24.10.2024.

The article was approved after reviewing: 16.02.2025.

The article was accepted for publication: 16.04.2025.

Материалы и методы. Методологическая основа статьи опирается на принципы объективности и историзма. Они дают возможность проводить достоверный анализ имеющихся фактов, исключая произвольную интерпретацию и политическую ангажированность. Исторические явления и процессы при этом рассматриваются во взаимосвязи и развитии, учитываются их происхождение и формы проявления. В работе используются общенаучные методы анализа и синтеза, системно-структурный метод, позволяющие реконструировать целостную картину явления, обозначаемую как «революция повседневности».

В работе использовались опубликованные источники и материалы региональных архивов, содержащие сведения о различных обстоятельствах отторжения частью населения региона изменений в их образе жизни.

Анализ. Наименее склонная к компромиссу часть населения выберет для себя исход с земли предков и в качестве мухаджиров покинет Кавказ. Другие предпочтут с оружием в руках продолжить сопротивление и будут противопоставлять «европейскому» образу жизни свою мусульманскую альтернативу. На наш взгляд, это станет продолжением той линии по изменению мироустройства, которую начали сторонники юридикализма. Эти люди не могут однозначно быть отнесены к противникам новаций, т.к. тоже меняли окружающий их порядок, но на иных цивилизационных принципах. Они желали не просто создать иную модель повседневности для себя, но собирались принуждать к ней окружающих. И наконец, одиночки-маргиналы, известные как абреки, стремились отстаивать собственный образ жизни (прежде всего своё «личное пространство») в борьбе с государством. Их всех объединяет приверженность «старине», хотя трактовалась она по-разному и была скорее неким мифом о «золотом веке», противопоставляемым «испорченным нравам» современности.

Уместным видится добавить к этим протестным сообществам ещё и революционеров-народников из числа образованной горской молодёжи. Они также являлись пусть немногочисленной, но весьма важной группой противников происходящей «революции повседневности», которую критиковали не с позиции защитников патриархальных ценностей, а как сторонники идей социальной справедливости на основе социалистических идеалов. Со временем именно из этих групп будет формироваться главный оппонент буржуазной модели мироустройства, который предложит собственную альтернативу развития и образа жизни общества.

К моменту завершения активных боевых действий в крае стало очевидным, что часть горских обществ не готова поступиться своим привычным жизненным укладом и не склонна искать компромисса с победителем.

Произошёл психологический надлом, особенно после того, как символ сопротивления имам Шамиль капитулировал в Гунибе. Для местной ментальности была характерна персонификация процессов, в том числе и в военно-политическом противостоянии с Российской империей. Признанный лидер сложил оружие, и теперь многие считали дальнейшее сопротивление обречённым на катастрофу. Все ждали массового рекрутирования в солдаты, что считалось худшей долей для мужчины-воина. Горцы боялись потерять своих детей, которые в русских школах утратили бы веру отцов. Ещё одним из распространённых панических слухов было утверждение, что вскоре «последует насильственное обращение в христианство» [4, с. 8]. На этом фоне призывы Османской империи найти приют среди единоверцев выглядели единственным спасением [11, с. 84]. Картина мира, присущая значительной части горцев, не предполагала милость со стороны вчерашнего противника, в то время как единоверцы гарантировали «счастливую будущность» [14, с. 46].

Даже те, кто не желал покидать свою родину, не смели противоречить воле старших, поскольку подвергались психологическому давлению со стороны родственников [11, с. 87]. Испытания, выпавшие на их долю, были тяжёлыми: не все вынесли тяготы дороги на чужбину. Столкнувшись с реалиями жизни в Турции, некоторые семьи предпочли вернуться обратно. Полученный печальный опыт заставил их пересмотреть взгляды на действительность: «все стали смотреть на вещи совершенно иначе» [11, с. 104].

Случаи репатриации были не единичны. В обращении к российским властям горцы соглашались на любые испытания и готовы были жить на тех территориях, которые им были бы выделены [8, с. 88–89]. Успевшие на себе испытать «горький хлеб чужбины», эти люди гораздо легче начинали воспринимать российский миропорядок, но даже их пример не останавливал новых искателей лучшей доли. Многие потенциальные мухаджиры расценивали неудачу своих земляков как случайность и были убеждены, что сами они наверняка добьются лучшего результата [16, с. 39].

Стремление государства монополизировать право на насилие также порождало у некоторых горцев тревогу о собственном будущем. Они крайне болезненно реагировали на изъятие у них оружия, наличие и применение которого было несовместимо с имперским миропорядком. На это не желала идти даже та часть горского мира, которая «хотя и долго жила на плоскости, но несколько не отвыкла от прежних привычек и наклонностей» [3, л. 32]. Между тем, по мнению кавказской администрации, такая ситуация затрудняла приобщение к новым культурным ценностям, вызывала «отчуждение от всего русского» [3, л. 33].

Чаще всего необходимость выезда за пределы России мотивировалась религиозной потребностью совершить хадж. В этом случае отказ от права посещения Мекки выглядел как запрет иноверцев на святое для мусульманина право посетить святыни и очиститься от грехов. Формальных причин отказать в выезде в таких обстоятельствах у властей не было и, судя по устоявшейся формулировке в паспорте, им пользовались для формальной легализации смены подданства [2, л. 9 об.].

Произошедший массовый исход не мог быть вызван кардинальными изменениями в горской повседневности. Таковые ещё не успели проявиться для большинства потенциальных мухаджиров. Их пугали скорее

собственные домыслы о возможных шагах российской администрации, которой приписывались различные враждебные планы. Свою роль сыграла и достаточно активная пропаганда турецких эмиссаров, которые утверждали, что между султаном и императором заключён договор об обмене мусульман на христиан [5, л. 3]. В эмиграцию устремились даже те народы, которые не участвовали в вооружённом противостоянии с властью и могли не опасаться репрессий [7, с. 206–207]. Они стали жертвами выдуманных фобий, как правило, иррациональных и не поддающихся логическому объяснению. Именно этнопсихологические факторы, как нам представляется, стали доминирующими в произошедшем исходе горцев со своей исторической родины. Экономические, социальные и даже политические обстоятельства не выглядели настолько существенными, чтобы обеспечить подобное воздействие на умы людей, выбравших себе участь мухаджиров.

Оставшиеся на своей земле горцы постепенно втягивались в социально-экономические и политические процессы, которые инициировала российская власть. Для некоторых это открывало весьма привлекательные перспективы, что мирило их с произошедшей трансформацией привычной жизни. Но были и те, кто ратовал за сохранение и возврат прежнего уклада, считал наступившие изменения греховными. Нередко звучавшие «обвинения» выглядели иррациональными, их чёткое обоснование отсутствовало. Критиковали не только «неверную власть» царя, но и успехи собственных земляков, которые оказались более предприимчивыми.

После капитуляции имама Шамиля на Северо-Восточном Кавказе продолжались волнения, хотя и не достигавшие прежнего размаха. Печальную известность в глазах властей имело селение Беной, куда стекались недовольные российской властью жители Чечни. Их лидером был Байсонгур, сумевший летом 1860 г. распространить свою власть на весь Ичкерийский округ. И хотя кавказское командование достаточно решительно и эффективно подавило это движение, стало очевидным, что немалая часть населения не смирилась с произошедшими изменениями в своей жизни. Недовольство связывали с рецидивами и обидами предшествующих десятилетий войны, которые должно было излечить время и мудрая политика правительства. Отсюда и точечные карательные акции, связанные с физическим устранением либо изоляцией не склонных к компромиссу оппонентов [10, с. 685–690].

За наступившим внешним смирением скрывалось постепенно набравшее размах движение, объединившее в своих рядах тех, кто не находил себя в новой модели мироустройства. Они нуждались в соответствующем идеологическом оправдании и обретали его в религиозных концепциях. Им придавалось соответствующее воинственное звучание, необходимое для мобилизации сторонников насильственного изменения существующего положения. Примером является движение зикристов, чей лидер Кунта-Хаджи в итоге спровоцировал достаточно кровопролитные столкновения адептов своего мистического учения, направленного на нравственное самосовершенствование, с российской властью [9, с. 1–17].

В русле выдвигаемой нами идеи о происходящей в рассматриваемый период «революции повседневности» следует отметить, что она далеко не всегда ограничивалась исключительно русским / европейским вариантом изменения жизненного уклада. Не желающая воспринимать его часть горского мира стремилась

предложить собственный миропорядок, значительно отличавшейся от того, который существовал в регионе до прихода сюда российской государственности. Как представляется, недовольство вызвали не изменения как таковые, а их недоступность для значительной части общества.

Достаточно сказать, что только в Дагестане во время волнений 1877–1878 гг. в антиправительственном сопротивлении будут участвовать с разной степенью активности около четырёхсот селений. К ним следует добавить и 47 аулов, расположенных в Чечне [12, с. 49]. Таким образом, речь идёт о достаточно организованной и массовой поддержке вооружённого выступления в горской среде. Высокий уровень протестного потенциала заставляет усомниться в их готовности воспринимать новации, которые несла российская государственность.

Основной очаг недовольства сформировался на той территории, которая была менее двух десятилетий назад центром ожесточённой борьбы между империей и сторонниками мюридизма. Резонно утверждать, что новое поколение юношей, возмужавших за эти годы, воспитывалось на рассказах своих родителей об их борьбе против «неверных». Такого рода информация обычно передаётся мифологизировано, в героическом ключе, когда «неудобные» факты замалчиваются, а собственные достижения преувеличиваются.

Анализ историографии, посвящённой данной проблеме, позволяет утверждать, что в современной науке сложилось представление о причинах волнений как реакции на социально-экономические процессы, происходящие в регионе [15, с. 20–31]. Менялось представление о материальном достатке, который во многом начинал определять статус человека в обществе. «Революция повседневности» породила раздражающе недоступные требования к образу жизни. Привычный символический капитал, зарабатываемый в удачных набегах и захвате добычи и ранее определявший отношение к конкретному индивиду, уже не котируется [11, с. 108]. Более того, он мог стать причиной проблем не только самого «набежчика», но и его сородичей. Власти практиковали коллективную ответственность за правонарушения и могли заставить всё общество компенсировать убытки, принесённые таким человеком.

Вызывает интерес социальный облик протестного общества. В нём можно было встретить не только представителей горских низов, но и выходцев из знатной среды. Среди последних было немало тех, кто находился на русской службе, но считал себя недостаточно оценёнными. Они желали восстановить былое могущество своих фамилий, упадок которых связывали с имперским произволом [22, с. 72]. Таким образом, сложилось ситуативное партнёрство самых разных слоёв общества, а подобное объединение не могло иметь долговременной перспективы.

В дальнейшем, вплоть до революционных потрясений XX в., мы не сталкиваемся с массовыми вооружёнными выступлениями в крае. Мы склоны расценивать это не только как результат успешных силовых операций российских властей. Постепенно налаживавшаяся мирная жизнь, экономические успехи, демонстрируемые местным хозяйством, способствовали росту благосостояния людей, сужали число недовольных происходящими изменениями. Но это не означает, что полностью исчезли недовольные издержками модернизационных процессов, приводившими к заметному имущественному и социальному расслоению в обществе. Вызывала

нарекания и судебно-административная система империи, зачастую диссонирующая с представлениями горцев о справедливости. На смену коллективному протесту пришёл протест индивидуальный, вылившийся в практику абречества, ставшую на несколько десятилетий печальной особенностью местной ситуации и ещё одной гранью северокавказской повседневности.

В настоящее время существуют идеализированные представления об абреках, которым приписывается желание посвятить себя отстаиванию социальной справедливости. Их деятельность рисуется как способ «борьбы с русской властью на Кавказе» [23, с. 9]. То, что абречество несло угрозу абсолютно всем жителям региона, независимо от их национальной принадлежности, при таком подходе игнорируется. На наш взгляд, речь идёт о подмене смысла данного явления. Криминальная составляющая в практике абречества была неминуема, т.к. иных способов добиться средств существования такие люди не имели. Даже если побудительной причиной становились политические разногласия с властью, это не отрицало разбойнического характера деятельности абреков.

Вместе с тем мы согласны с направлением поиска причин, породивших таких маргиналов: их появление объясняется тем, что «менялся патриархальный уклад жизни, за чем следовала ломка привычного быта, психологии людей и межнациональных отношений. Всё это было настолько непривычно и противно части простых горцев, что многие из них были в смятении и отчаянии. Они не были готовы к таким резким общественным и социально-правовым переменам, которые вносили капитализм и царское законодательство в их жизнь...» [23, с. 10].

Подобный вывод соотносится с нашим представлением о происходящих процессах «революции повседневности», породившей многочисленные трудности, психологический надлом, фрустрацию и тому подобные проблемы у значительной части местного сообщества. Более того, ограничивать наличие психологического дискомфорта исключительно с «простыми горцами», как это делает Ю.В. Хоруев, было бы неправильно. Мы видим немало примеров того, как состоятельные люди, имевшие высокий социальный статус и занимавшие престижные должности, также выражали своё недовольство происходившими изменениями.

И надо отметить, что такая ситуация была характерна для всего российского общества, что нашло отражение, например, в проблематике, разработанной русской литературой рассматриваемого периода (Ф.М. Достоевский, А.Н. Островский, А.М. Горький и т.д.). Северокавказская специфика заключалась в том, что здесь горское население воспринимало насильственные методы борьбы как вполне приемлемые, а при наличии многочисленных естественных укрытий – вполне эффективные.

В глазах части населения абреки были защитниками обездоленных и пострадавших от несправедливости власти. Но так было далеко не всегда. Находилось немало тех, кто не желал иметь по соседству столь опасных и непредсказуемых «поборников справедливости» и расправлялся с ними либо собственными силами, либо помогая властям информацией об их местонахождении. Судя по тому, что горцы расправлялись с абреками весьма сурово и даже демонстративно жестоко, к ним накопилось немало претензий у людей, от имени которых пытались действовать эти «благородные мстители» [24, л. 17–17 об.]. Но большинство местных

жителей предпочитали сохранять нейтралитет. Официальная власть сочувствия не вызывала. Присутствовал страх пострадать от мести со стороны разбойников [21, с. 76]. Отсюда и позиция стороннего наблюдателя, который может во время перестрелки с разбойниками спокойно забраться на возвышенность и смотреть на происходящее, «не выказывая ни малейшего поползновения помочь полиции» [18, с. 148].

Наличие абреков как устойчивого явления свидетельствовало о запросе на справедливость и защиту интересов всех слоёв населения, а не только лиц, близких к властным структурам. Предпочитая не замечать корыстных и неприглядных поступков таких борцов с системой, общество им приписывало некие идеальные помыслы и устремления. Самим фактом своего присутствия они принуждали местную администрацию конкурировать за умы и симпатии широких слоёв населения, заставляли не совершать откровенного произвола. Вероятно, в этом и скрывается причина симпатии к абрекам, которых местные жители готовы были укрывать и выручать во время преследования со стороны армии и полиции [1, с. 40].

Шёл интенсивный поиск новых идеалов. Это привело к тому, что на Северном Кавказе появились сторонники революционных преобразований, число которых было невелико. По мере приобщения горской молодёжи к российскому интеллектуальному пространству ряды таких революционеров расширились. С конца 60-х гг. в стране появляются народнические кружки, участниками которых были и студенты – выходцы из южных областей и губерний. Они обучались в столичных вузах, где получали опыт революционной борьбы, который желали распространить и на своей малой родине. Чаще всего это были грузины и осетины, которые быстрее остальных приобщались к русской культуре, в том числе и к её революционным проявлениям [20, с. 16].

Просветительство должно было стать одним из эффективных инструментов в мобилизации усилий общества по отстаиванию своих прав, приобщению к новому мировоззрению, основанному на идеалах социальной справедливости. Испытав на себе всю мощь печатного слова, горцы-народники рассчитывали увлечь с его помощью и своих земляков, и, по словам видного деятеля русского революционного движения Н.А. Морозова, который столкнулся с ними на одной из конспиративных квартир, собирались «устроить типографию в своих горных ущельях» [17, с. 302].

Первоочередной задачей народников являлось открытие во Владикавказе библиотеки, которая стала бы культурным и просветительским центром для жителей города и окружающих его селений, а также «каналом пропаганды социально-революционных идей» [20, с. 17]. Для нужд этой библиотеки закупалась литература, а в дальнейшем предполагалось пополнять её фонды собственной печатной продукцией.

Всем этим занимался существующий в Терской области кружок революционной молодёжи, объединивший преимущественно выходцев из кавказских народов, являвшихся по профессии землемерами, учителями, адвокатами, лесничими, т.е. представлявших национальную интеллигенцию. У них за плечами были Петербургская Разумовская академия, Лесной институт, Одесский университет, Землемерное училище в Тифлисе, Московский технологический институт, Горькая учительская семинария и т.п. [20, с. 19–20]. Среди приоритетных направлений для себя революционеры

обозначили работу с крестьянами, которым пытались в доступной форме излагать идеи своей освободительной борьбы. Для этого сочинялись прокламации в виде сказок, что должно было, по мнению организаторов пропагандистской работы, облегчить восприятие сложных социально-экономических и политических вопросов людьми, не имевшими образования [19, с. 455].

Аналогичную деятельность вели и в Нальчике. Здесь учитель окружной горской школы Веру попал в поле зрения жандармов, после того как начал вести революционную пропаганду среди учащихся [13, с. 41].

Полиция достаточно оперативно реагировала на угрозы основам порядка и не только установила негласный надзор за «смутьянами», но и в итоге назначила административное наказание и краткосрочное заключение их под стражу. Даже советские исследователи, которые старались подчеркнуть уровень политической состоятельности этих революционных организаций, вынуждены были констатировать, что их «стремления были неопределённые, без конкретной программы и плана действий, без всякого намёка на организацию» [20, с. 23]. Условия для качественного изменения окружающей действительности, за которую ратовали эти люди, пока не сложились. В большинстве своём они перестали заниматься профессиональной революционной деятельностью, но сохранили верность идеалам просвещения, внося свою лепту в происходившую «революцию повседневности» [6, с. 112–118].

Результаты. Реакция на происходящие изменения привела к расколу горского общества. Для одних наступившая эпоха капиталистической модернизации стала шансом к улучшению имущественного и социального статуса, а другие, напротив, утратили былые привилегии и уверенность в завтрашнем дне. Вызовы «революции повседневности» спровоцировали устойчивые протестные настроения, которые разделялись немалой частью местных жителей. Одни однозначно противились покушениям на «старину», другие были возмущены не самими новациями, а тем, что не могли в должной мере воспользоваться ими. Были и те, кто отстаивал идеалы социальной справедливости, а потому капиталистическая «революция повседневности» трактовалась ими в негативном ключе.

Произошедшие изменения привели к кардинальным, революционным по своей сути изменениям в сфере повседневности. Они коснулись не только материальной культуры, но и институтов социализации горского юношества, сферы досуга, морально-этических норм и прочих сторон жизни людей. Всё это существенно влияло на «социальное самочувствие» населения, порождая для одних уверенность в завтрашнем дне и открывая статусные возможности, а другим, напротив, внушая чувство фрустрации и неуверенности.

Часть сообщества предпочла полностью отринуть навязываемый образ жизни и, не имея возможности продолжить вооружённую борьбу, избрала путь эмиграции. Их пример будет гальванизирующее действовать на земляков, увлекая в процессы махаджирства даже тех, кто вполне успешно начинал интегрироваться в российское державное пространство.

Другие не пожелают покидать землю предков, но, не найдя возможности законными методами обеспечить свой уровень благосостояния, согласно существенно возросшим запросам, формируемым критериями новой повседневности, опять возьмутся за оружие, попытавшись вернуться к ситуации периода расцвета мюридиз-

ма. Их разгром станет результатом совместных усилий как имперской администрации, так и тех горцев, которые оказались более успешными в освоении капиталистического способа производства.

Ещё одним центром противостояния новому миропорядку станут абреки, чья индивидуальная борьба с социальной несправедливостью и криминальные способы заработка будут ещё одной стороной многогранного и противоречивого явления горского сопротивления, желавшего пользоваться благами «революции повседневности», но не имеющего возможности получить их мирными экономическими способами.

И наконец, самая немногочисленная, но имевшая наибольший потенциал группа противников наступивших перемен – революционеры, как правило, из числа образованных слоёв населения. Они не отрицали важность преобразований в жизни общества, но добились их на иных мировоззренческих основах, ратуя за идеи социальной справедливости и критикуя «язвы капитализма», которые наглядно демонстрировала наступившая эпоха.

Литература

1. Бердяев С. К. Разбои на Северном Кавказе. Из воспоминаний администратора. Период (1907–1915). Париж, 1936. 71 с.
2. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 454. Оп. 1. Д. 215.
3. ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 172.
4. ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 364.
5. ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 392.
6. Гутиева Э. Ш. Грани личности: Алексей Ардасенов // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 493. С. 112–118.
7. Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми: Изд-во «Алашара», 1982. 530 с.
8. Документальная история образования многонационального государства Российского. В четырёх книгах. Книга первая. Россия и Северный Кавказ в XVI – XIX веках / под ред. Г. Л. Бондаревского, Г. Н. Колбая. М.: Изд-во НОРМА, 1998. 672 с.
9. Ипполитов А. П. Учение «зикр» и его последователи в Чечне и Аргунском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: б.и., 1869. Т. 2. Разд. 1. С. 1–17.
10. История Чечни с древнейших времён до наших дней: В 2 томах. Т. 1. История Чечни с древнейших времён до конца XIX века. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008. 828 с.
11. Кануков И. Горцы-переселенцы // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: б.и., 1876. Вып. 9. С. 84–112.
12. Клычников Ю. Ю., Линец С. И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала (исторические очерки). Пятигорск: ПГУ, 2006. 211 с.
13. Крикунов В. П. Революционные разnochинцы на Северном Кавказе. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1958. 145 с.
14. Кундухов М. Мемуары. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2013. 92 с.
15. Магомеддаев А. М., Амирова З. М. Причины и последствия восстания 1877 года в Дагестане в оценке современников и исследователей // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2010. № 1 (10). С. 20–31.
16. Максимов Е. Чеченцы // Терский сборник приложение к Терскому календарю на 1894 г. Владикавказ, 1893. Вып. 3. Кн. 2. С. 3–100.
17. Морозов Н. А. Повести моей жизни. М.: Наука, 1965. Т. 1. 408 с.
18. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / Составление, предисловие, примечания и комментарии Л. А. Чибирова. Цхинвали: Издательство «Ирыстон», 1982. 372 с.
19. Революционное народничество 70-х годов XIX века. Сборник документов и материалов в 2 томах. Т. 1. 1870–1875 гг. / под редакцией Б. С. Итенберга. М.: Наука, 1964. 531 с.
20. Скитский Б. В. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1972. 379 с.
21. Туманов Г. М. Земельные вопросы и преступность на Кавказе. СПб: б.и., 1900. 113 с.
22. Хашаев Х. М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М.: АН СССР, 1961. 262 с.
23. Хорув Ю. В. Абреки на Кавказе. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. 524 с.
24. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания. Ф.30. Оп.1. Д.52.

References

1. Berdyaev SK. Robberies in the North Caucasus. From the administrator's memories. Period (1907–1915). Paris, 1936. 71 p. (In Russ.).
2. State Archives of the Krasnodar Territory (GAKK). F. 454. Op. 1. D. 215.
3. GAKK. F. 774. Op. 1. D. 172.
4. GAKK. F. 774. Op. 1. D. 364.
5. GAKK. F. 774. Op. 1. D. 392.
6. Gutieva ESh. Facets of personality: Alexey Ardasenov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2023;493:112-118. (In Russ.).
7. Dzidzaria GA. Mahajirism and problems of the history of Abkhazia in the 19th century. Sukhumi: Alashara Publishing House, 1982. 530 p. (In Russ.).
8. Documentary history of the formation of the multinational Russian state. In four books. Book one. Russia and the North Caucasus in the 16–19th centuries. Under the general editorship. Doctor of Law G.L. Bondarevsky and candidate of legal sciences G.N. Kolbaya. Moscow: Publishing house NORMA, 1998. 672 p. (In Russ.).
9. Ippolitov AP. The doctrine of “dhikr” and its followers in Chechnya and the Argun district in Collection of information about the Caucasian highlanders. Tiflis, 1869. Vol. 2. Section 1. P. 1-17. (In Russ.).

10. History of Chechnya from ancient times to the present day: In 2 volumes. Vol. 1. History of Chechnya from ancient times to the end of the 19th century. Grozny: State Unitary Enterprise "Book Publishing House", 2008. 828 p. (In Russ.).
11. Kanukov I. Highlander migrants. Collection of information about the Caucasian highlanders. Tiflis, 1876. Vol. 9. P. 84-112. (In Russ.).
12. Klychnikov YuYu, Linets SI. North Caucasian Knot: Features of Conflict Potential (Historical Essays). Pyatigorsk, 2006. 211 p. (In Russ.).
13. Krikunov VP. Revolutionary commoners in the North Caucasus. Nalchik: Kabardino-Balkarian Book Publishing House, 1958. 145 p. (In Russ.).
14. Kundukhov M. Memoirs. Vladikavkaz: Publishing and printing enterprise named after. V. Gassieva, 2013. 92 p. (In Russ.).
15. Magomedadayev AM, Amirova ZM. The causes and consequences of the 1877 uprising in Dagestan as assessed by contemporaries and researchers. *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki*. 2010; 1(10):20–31. (In Russ.).
16. Maksimov E. Chechens in Terek collection supplement to the Terek calendar for 1894. Vladikavkaz, 1893. Issue 3. Book 2. P. 3-100. (In Russ.).
17. Morozov NA. Stories of my life. Moscow: Nauka, 1965. Vol. 1. 408 p. (In Russ.).
18. Periodicals of the Caucasus about Ossetia and Ossetians / Compilation, preface, notes and comments by LA Chibirova. Tskhinvali: Iryston Publishing House, 1982. 372 p. (In Russ.).
19. Revolutionary populism of the 70s of the XIX century. Collection of documents and materials in 2 volumes. Vol. 1. 1870–1875 / Edited by BS Itenberg. Moscow: Nauka, 1964. 531 p. (In Russ.).
20. Skitsky BV. Essays on the history of mountain peoples. Ordzhonikidze, 1972. 379 p. (In Russ.).
21. Tumanov GM. Land issues and crime in the Caucasus. St. Petersburg, 1900. 113 p. (In Russ.).
22. Khashaev HM. Social system of Dagestan in the 19th century. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1961. 262 p. (In Russ.).
23. Khoruev YuV. Abreks in the Caucasus. Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2010. 524 p. (In Russ.).
24. Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania (CSA RSO-A). F. 30. Op. 1. D. 52. (In Russ.).